
НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

ЭТИКА «ЛИЧНОГО БЛАГОЧЕСТИЯ» В ДРЕВНЕЕГИПЕТСКОЙ МЫСЛИ XIII—X ВВ. ДО Н.Э.

В.В. Жданов

Кафедра истории философии
Факультет гуманитарных и социальных наук
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10а, Москва, Россия, 117198

В предфилософских культурах древности, исторически предшествовавших возникновению философии как самостоятельной формы мировоззрения человека, этическая традиция выступает, как правило, в качестве неотъемлемой части не философии, а других форм духовной культуры — религии, мифологии, дидактической традиции. Так, фундаментальная для всей древнеегипетской этики категория «Маат» (миропорядок—справедливость—истина), возникшая и сформировавшаяся первоначально в рамках мифологической традиции, неизменно оказывала затем огромное влияние на всю древнеегипетскую культуру. Понимаемая в своем этическом аспекте как справедливость, являющаяся воплощением установленного богами при творении сакрального миропорядка и реализуемая посредством трактовки государственной службы как базовой добродетели человека, без обладания которой оказывается невозможным его безбедное существование как при жизни, так и после смерти, она являлась базовым элементом всей древнеегипетской духовной культуры на протяжении почти полутора тысяч лет, начиная с середины III тыс. до н.э. и заканчивая рубежом XIV—XIII вв. до н.э., когда в результате жестких религиозных реформ Аменхотепа IV (Эхнатона) эта концепция начинает претерпевать все более глубокий кризис.

Ярким примером этого может служить текст эпохи правления Рамсеса II под названием «Поэма Пентаура», описывающий египетско-хеттские военные баталии и, в частности, битву армии Рамсеса II с войском хеттского царя Муваталлиса у стен сирийской крепости Кадеш (около 1285 г. до н.э.). Совершая бросок к крепости, царь во главе передового отряда своих сил внезапно оказывается окруженным многократно превосходящими войсками хеттов. Ситуация складывается кри-

тическая: основная часть египетской армии еще не подошла к месту боя, и жизни царя грозит опасность. В этот решающий момент, перед лицом неминуемой гибели, Рамсес обращается в порыве отчаяния к своему отцу Амуну, заявляя о том, что отец (Амун) не может оставить в беде своего сына (т.е. фараона), который никогда прежде не пренебрегал поклонением ему, а также не скупился на дары и постройку храмов для него. И происходит чудо: Амун внимлет просьбе своего благочестивого сына и дарует ему спасение: царь с невиданной силой обрушивается на противника, а вовремя пришедшая на выручку основная часть египетской армии завершает начатое им дело.

Тот факт, что текст этой поэмы, сохранившийся до наших дней в виде нескольких копий, высеченных на стенах наиболее значимых храмовых комплексов Египта того времени, явно свидетельствует, что намеренное подчеркивание благочестивого характера правящего монарха отныне носит характер не только религиозной, но и политической пропаганды. С этой линией поведения царя начинает перекликаться и дидактическая литература начала эпохи Рамессидов: так, в «Почтении Ани», созданном как раз во время правления XIX династии (около XIII века до н.э.), есть такие строки:

Бог сердится, когда ты не повинешься ему [4. Р. 14].

Идея всемогущества божества (причем речь вовсе не обязательно может идти именно об Амуне, хотя чаще всего — все же именно о нем), непостижимом характере его воли, никак не связанным отныне с нравственной характеристикой царя в глазах подданных в качестве главного «хранителя Маат», и известная нам еще по главе 14-й «Книги мертвых» начала Нового царства, теперь, спустя примерно три столетия, становится доминантой всей египетской этики. Как справедливо отмечает в этой связи Я. Ассман, «конец Маат есть начало личного благочестия» [1. S. 256].

Аналогичной точки зрения придерживался еще ранее и Дж. Брэстед, заметивший, что, несмотря на еще значительную силу в египетском обществе эпохи Рамессидов традиционных социальных установок, в нем все более распространяется идея о том, что «жизнь и удача человека находятся в руках его “личного” всезнающего Бога» [2. Р. 320].

На фоне общей неуверенности в завтрашнем дне, охватившей египетское общество после религиозной «ломки» Эхнатона, все более учащаются высказывания о возможности непосредственного вмешательства божества в определение характера добродетельности человека, в его судьбу и даже в ход истории, и «Поэма Пентаура», — лишь первый пример такого рода.

К концу правления XX династии, а вместе с ней и к моменту окончания всей эпохи Нового царства концепция Маат в египетской духовной культуре переживала жесточайший кризис. Однако нам трудно согласиться с Я. Ассманом, который, анализируя причины упадка концепции Маат в своей монографии «Маат: праведность и бессмертие в Древнем Египте», утверждает, что говорить о кризисе Маат можно лишь применительно к социально-политическим характеристикам

этой категории, тогда как в области осирической религии (то есть, иными словами, в этическом аспекте Маат — Маат как сакральная справедливость) не происходит каких-либо заметных перемен.

Эта точка зрения кажется нам неубедительной, ибо, несмотря на то, что осирическая религия в эпоху Рамессидов как никакая другая область духовной культуры Египта действительно в наименьшей степени подверглась воздействию концепции «личного благочестия», все же следы ее влияния заметны и здесь. Пожалуй, наиболее ярким примером этого может служить созданная именно в эпоху Рамессидов 125-я глава «Книги мертвых» с перечнем неправедных деяний и ярко выраженной идеей индивидуального загробного суда Осириса. Еще одним свидетельством проникновения идей этики «личного благочестия» и в заупокойную литературу является факт появления в период правления XIX—XX династий корпуса текстов под названием «Амдуат», содержащего подробные описания странствий умершего в преисподней и, в отличие от ранних глав той же «Книги мертвых», изначально ориентированного не на абстрактно усредненного, безличного «правдивого голосом», а на вполне конкретную личность (этот факт косвенно подтверждается еще и тем, что изначально «Амдуат» был, по-видимому, заупокойным текстом, предназначенным исключительно для узкого круга посвященных).

На фоне все более усиливавшихся культурных и экономических связей с Азией, особенно усилившихся при царях XIX и XX династий, стали очевидными стремления египетского Юга, в большей степени сохранившего свою культурную самобытность, к обособлению от азиатских влияний. В этом контексте еще более актуальным стало подчеркивание особого, совершенно уникального статуса Фив среди прочих городов Египта.

Известный знаток истории Египта эпохи Рамессидов и Позднего периода Я. Черны отмечает в этой связи, что еще в годы правления Рамсеса IV (XX династия) тогдашний верховный жрец храма Амуна в Фивах Рамессенахт в своих надписях особое внимание акцентировал на титуле Фив как «места Маат». Хотя ранее в Фивах этим термином обозначалась, как правило, лишь гробница царствующего фараона (в том числе и только строящаяся), он, по мнению Я. Черны, имел более широкое значение — видимо, так называлась вся западная часть Фив [З. Р. 5—6].

Однако такое пристальное внимание «официальной» храмовой религии к Маат является не чем иным, как очередным свидетельством кризиса прежней интерпретации этического аспекта этой категории. К началу X в. до н.э. идеи «личного благочестия», делающие акцент не на внешне-официальных, но на внутренних, экзистенциально-личностных аспектах связи человека и божества как фундаментальной добродетели, достигают своего апогея в египетском обществе, окончательно подводя черту под традиционными этическими характеристиками Маат.

Квинтэссенцией этих идей стал текст дидактического содержания, созданный в первой половине X в. до н.э. и известный под названием «Поучение Аменемопе». Основопологающей его идеей является мысль о том, что никакой человек, независимо от его социального статуса, не может знать планов Бога и свой зав-

трашный день. Несмотря на то, что воля божества непознаваема для человека по своему определению, это, по мнению автора «Поучения», совершенно не означает бесполезности попыток познать ее: напротив, человек может надеяться на лучшую участь в земном и потустороннем мире, лишь полностью отдавшись в руки Бога, т.е. признав факт непостижимости его воли как неизбежную очевидность.

Дж.Г. Брэстед, анализируя этот памятник дидактической литературы Египта времен XXI династии, отмечал в своей монографии об эволюции моральных представлений в Древнем Египте «Заря совести», что взгляды Аменемпе кажутся ему более глубокими и набожными, чем у авторов дидактических трактатов Среднего царства, в частности, «Поучения царю Мерикаре» [2. Р. 320—327].

Наиболее любопытными для нас являются те фрагменты «Поучения Аменемпе», которые касаются темы Маат как справедливости. Ключевой отрывок, представляющей собой квинтэссенцию воззрений на природу Маат египтян Позднего периода, звучит следующим образом:

«Маат — это великий подарок Бога: он дает ее тому, кому пожелает» [1. S. 259].

Заметим, что речь здесь идет именно об этическом компоненте Маат, то есть о Маат как о справедливости. Несомненно, что тут имеется в виду справедливость в самом широком смысле этого слова, то есть и как социальная справедливость (существующее государственное устройство), и как божественная справедливость (то есть возможность получить оправдательный приговор на суде Осириса).

Важнейшим моментом здесь следует назвать коренную перемену в интерпретации Маат-справедливости: отныне это не доступная всякому добропорядочному человеку реальность, воплощенная в справедливой государственной системе и справедливом царе, а далекий и недостижимый для подавляющего большинства идеал, который для них так и останется неосуществимой мечтой не только до конца их земного существования, но и (что особенно важно) также и в загробном мире. Не зная завтрашнего дня и не будучи уверенным в своем беспечном будущем, человек не может, таким образом, получить от божества и твердых гарантий посмертного воздаяния. «Личное благочестие» — единственный путь к достижению этой цели, но даже он никогда не может гарантировать стопроцентного результата.

Отныне Маат — это уже не всеобщий миропорядок, воплощенный в социальной (прижизненной) и загробной справедливости, а лишь недостижимый идеал, отголосок величия былых времен. Разумеется, не только религиозная реформа Эхнатона (хотя ее роль была в этом процессе, безусловно, ведущей), но и в целом неблагоприятная внешнеполитическая обстановка на Древнем Ближнем Востоке начала и середины I тыс. до н.э. способствовали укреплению подобных взглядов. Египет уже давно превратился из некогда ведущей «мировой державы», безраздельно вершившей судьбы всего Восточного Средиземноморья и северо-восточной Африки, в страну, раздираемую внутренними проблемами и обескровленную многочисленными иноземными вторжениями. Духовная эволюция культур средиземноморского мира вступает в свою новую фазу — фазу, обозначенную К. Ясперсом как эпоха «осевого времени».

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Assmann J.* Ma'at. Gerechtigkeit und Unsterblichkeit im Älten Ägypten. — München, 1990.
- [2] *Breasted J.H.* The dawn of conscience. — New York — London, 1935.
- [3] *Cerny J.* Egypt from the death of Ramesses III to the end of the twenty-first dynasty. Cambridge, 1965 // The Cambridge ancient history, vol. II, chapter XXXV, fasc. 27.
- [4] *Suys E.* La sagesse d'Ani. Texte, traduction et commentaire. — Roma, 1935.

THE ETHICS OF “PERSONAL PIETY” IN ANCIENT EGYPTIAN THOUGHT XIII—X B.C.

Vladimir V. Zhdanov

Department of History of Philosophy
Faculty of Humanities and Social Sciences
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 10a, Moscow, Russia, 117198